

От стандарта выживания к ответственному выбору

В российском секторе домашних хозяйств сложились экономические предпосылки для развития по модели постиндустриального общества, но пока этому препятствует институциональное развитие и существенное неравенство | **ЛИЛИЯ ОВЧАРОВА, АЛИНА ПИШНЯК, ДАРЬЯ ПОПОВА, ЕЛЕНА ШЕПЕЛЕВА**

Экономисты, социологи и политологи в академических журналах и средствах массовой информации уже немало написали о том, как изменились уровень жизни российского населения и социальная структура общества за годы постсоветского развития. За это время динамика ключевых характеристик благосостояния была неоднозначной, и в результате общий вектор развития нашей страны с точки зрения теории человеческого капитала и перспектив модернизации оценивается довольно противоречиво. Мало кто не согласится с тем, что в период масштабных социально-экономических и политических реформ (1991–1998), который сопровождался существенным ростом доходного неравенства, падение реальных доходов населения было более значительным, чем падение ВВП. Основная дискуссия разворачивается вокруг оценки результатов восстановительного периода (1999–2007) и вопроса о том, как далеко Россия продвинулась по пути повышения уровня и качества жизни и что эти изменения означают. Можем ли мы сегодня

говорить, что объем материальных ресурсов уже таков, что стадия выживания осталась позади, а существенно расширившаяся материальная независимость большинства российских граждан формирует новую массовую потребительскую модель, в основе которой лежит ответственный выбор? Роналд Инглхарт, под влиянием работ которого подготовлена данная статья, отмечает, что утверждение ценностей самовыражения преобразует модернизацию в процесс человеческого развития¹. Правда, при этом он рассматривает в комплексе социально-экономический, ценностный и институциональный аспекты развития. В данной статье мы сконцентрируем внимание только на экономической составляющей, рассмотрев ее через призму показателей благосостояния.

Несмотря на непрекращающуюся дискуссию о проблемах российской статистики уровня жизни, которые в первую очередь связаны с тем, что надежные данные о доходах населения отсутствуют, публикуемая информация о доходах, расходах и потреблении позволяет оценить основные изменения в текущем жизненном стандарте. Важными дополнительными источниками эмпирических данных являются Обследование бюджетов домохозяйств (ОБДХ), которое ежеквартально проводит Росстат; Российский

СТАТЬЯ ПОДГОТОВЛЕНА ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА «ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ», ЦЕНТРА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НИУ ВШЭ, В РАМКАХ ПРОЕКТА «ОЦЕНКА ДИНАМИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭФФЕКТОВ ВЛИЯНИЯ НАЛОГОВОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕКТОР ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ».

мониторинг экономического положения и здоровья населения, ежегодно проводимый Высшей школой экономики (РМЭЗ-ВШЭ)²; панельное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), проведенное Независимым институтом социальной политики в 2004-м, 2007-м и 2011 годах³; обследование «Москва и москвичи», проведенное Государственным автономным научным учреждением (ГАНУ) «Институт гуманитарного развития мегаполиса» в 2012 и 2013 годах⁴. Эти обследования позволяют подробно проанализировать характеристики и особенности российских домохозяйств с экономической, социальной и демографической точек зрения.

Динамика уровня и структуры доходов населения: от индустриальной модели к постиндустриальному обществу?

В постсоветском экономическом развитии России можно выделить три периода: масштабные структурные реформы на фоне глубокого падения экономики (1991–1998), ускоренный восстановительный рост (1999–2007) и незавершенный этап стагнации, начавшийся в 2008 году и совпавший по времени с мировым экономическим кризисом. Особенности доходной обеспеченности и потребления домашних хозяйств мы будем рассматривать с учетом названных тенденций макроэкономического развития.

На рисунке 1 (см. с. 8) представлена динамика среднего уровня реальных денежных доходов. В качестве исходной точки для сравнения используется 1991 год, который предшествовал радикальным структурным изменениям в экономике и в политической системе России. Однако надо отметить, что инфляционные процессы в российской экономике начались намного раньше и выражались не столько в росте цен, сколько в углублении дефицита товаров и услуг, а также в распространении теневой экономики. Тем

не менее в этот период номинальные доходы все еще росли быстрее, чем цены на товары и услуги.

Россия — одна из постсоциалистических стран, переживших наиболее тяжелую рецессию в 1990-х, которая была обусловлена обвалом цен на энергоносители и беспрецедентными по своему масштабу структурными экономическими и политическими реформами. Начало рецессии сопровождалось существенным сокращением ВВП, реальных денежных доходов населения, заработной платы и пенсий, при этом темпы снижения денежных доходов в два раза превышали экономический спад. Наиболее проблемной зоной оказалась заработная плата: рынок труда при сохранении высокой занятости населения подстраивался к кризисной ситуации за счет ценовой компоненты⁵, следствием чего стали более глубокое падение уровня реальных заработков и масштабное распространение механизмов неформальной оплаты труда. Заработная плата в рыночных секторах, предпринимательская деятельность и доходы от собственности пытались подтолкнуть экономику вперед, а бюджетный сектор и неконкурентоспособное производство стагнировали. В этих условиях приоритетом для правительства стала индексация пенсий, которые большую часть 1990-х, вплоть до кризиса 1998 года, индексировались лучше, чем заработная плата. Конец этого периода совпал с мировым финансовым кризисом, а в 1998-м был объявлен дефолт, когда реальная заработная плата (без учета скрытой части) упала до 27,2 проц. от уровня 1991 года, реальные доходы — до 42,6 проц., а реальная пенсия — до 29,1 процента.

Далее последовал этап быстрого восстановления и экономического подъема, главным образом вызванный ростом мировых цен на энергоносители и преимуществами рыночной конкуренции в монополизированных секторах экономики. Экономический

подъем продолжался до 2007 года включительно и был прерван очередным мировым кризисом. Что происходило с доходами населения за эти девять «тучных» лет экономического роста? В целом за 1998–2007 годы средние душевые реальные денежные доходы в ценах 1991-го выросли в 3 раза, и это при условии, что ВВП увеличился в 1,8 раза.

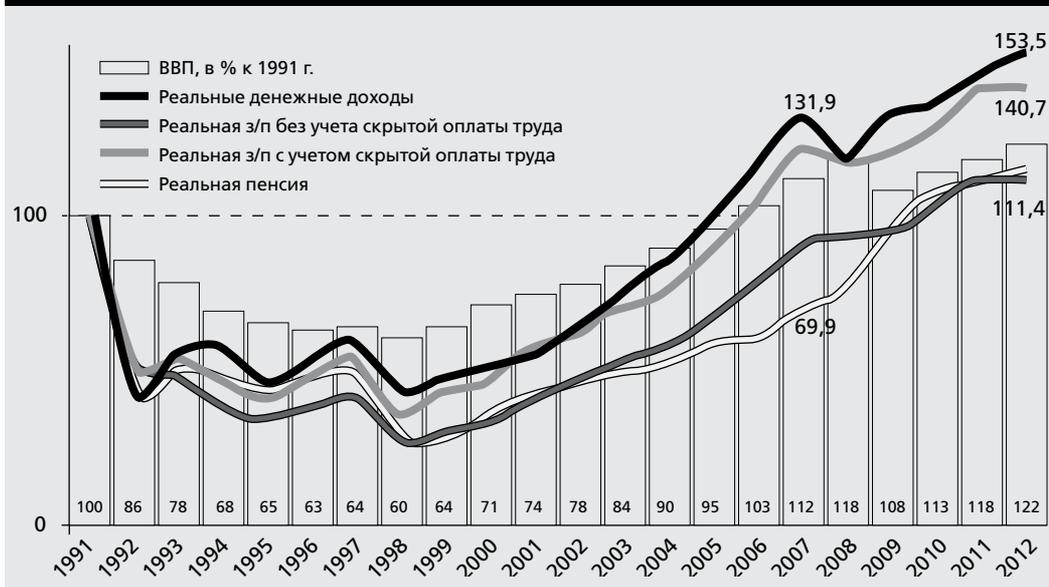
Подобные периоды бурного роста дают политикам шанс для инвестиций, способствующих повышению качества человеческого капитала и эффективности его использования. Судя по тому, что происходило с заработной платой и пенсией, этот шанс был использован, но лишь частично, поскольку две серьезные проблемы не были решены. Во-первых, возрастала доля скрытой от налогообложения части фонда оплаты труда, что подтверждается увеличением разрыва между двумя зарплатными кривыми на рисунке 1 (см. с. 8). Масштабная неформальная

занятость и по сей день остается отличительной особенностью российской экономики. В период структурных экономических реформ — это спасательный круг, который позволяет оставаться на плаву, но не более, поскольку его защитный ресурс достаточно ограничен по времени и силе действия. Во-вторых, темпы роста реального размера пенсии существенно отставали от роста заработной платы и доходов. Особенно очевидным это стало после начала пенсионной реформы 2002 года. Как результат, в 2007-м реальная средняя пенсия составляла только 69,9 проц. от уровня 1991 года, несмотря на семилетний период быстрого экономического роста и повышение реальных средних душевых доходов до 131,9 проц. от предреформенного уровня.

В 2008–2009 годах мир столкнулся с очередным масштабным экономическим кризисом, последствия, глубина и продолжитель-

Рисунок 1

ДИНАМИКА СРЕДНЕДУШЕВЫХ РЕАЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ, ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ПЕНСИЙ, % (1991=100%)

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата.

ность которого неясны до сих пор. В 2008-м, впервые после 1999 года, реальные доходы населения упали на 11 проц., хотя в 2009-м это падение было полностью отыграно.

Применительно к официальной заработной плате сокращения в реальном выражении не произошло, но темпы роста существенно снизились. Отметим, что от макроэкономического шока сильнее всего пострадала теневая часть зарплаты, однако этот провал был компенсирован в последующие три года. Если вернуться к графику на рисунке 1 (см. с. 8), то очевидно, что после 2007 года средняя пенсия ускоренно росла в основном за счет нетрадиционных мер антикризисной программы 2009–2010 годов, которая реализовывалась в преддверии парламентских и президентских выборов, и в результате в целом за два года реальная пенсия увеличилась на 41 процент. Возможно, это помогло выиграть выборы и решить политические вопросы, но не позволило преодолеть проблемы пенсионного обеспечения: средние за 20 лет темпы роста пенсии существенно ниже темпов роста заработной платы и доходов.

В итоге, за годы постсоветского развития средний размер реальных душевых доходов увеличился в 1,5 раза, несмотря на их двукратное падение в результате структурных экономических реформ начала 1990-х. Что это означает? Прежде всего, что сектор домохозяйств теперь располагает совсем другим объемом доходов, которые позволяют преодолеть стандарт выживания и перейти к новой модели благосостояния, основанной на ответственном выборе потребителя. Далее мы постараемся понять, в какую сторону смещается структура потребления, но сначала остановимся на системных особенностях оплаты труда и пенсионного обеспечения, поскольку в условиях распределительной пенсионной системы эти два основных источника доходов тесно связаны между собой: текущие пенсии формируются за счет

отчислений от текущих заработных плат работающего населения.

Как уже отмечалось, на российском рынке труда спрос и предложение балансируются не путем высвобождения рабочей силы, как это происходило в других постсоциалистических экономиках, а посредством сверхгибких механизмов оплаты труда, позволяющих сохранять высокий уровень занятости при существенном сокращении фонда оплаты труда⁶. На протяжении экономического спада 1991–1998 годов все агенты рынка труда шли по этому пути, резко сокращая оплату труда. Основными механизмами «зарплатной гибкости» стали изменение переменной и особенно скрытой части заработной платы, задержка ее выплаты, а также отсутствие индексации заработной платы с учетом инфляции. Несмотря на стремительное увеличение зарплаты на этапе экономического подъема, проблема неформальной занятости и низких зарплат в секторах экономики, связанных с формированием человеческого капитала, сохранила свою актуальность. На российском рынке труда хорошие рабочие места концентрируются в сегменте крупных и средних предприятий: в 2012-м там было занято 36,1 млн чел., что составило только 50,6 проц. от общей численности занятых. Исследования Росстата по количественному измерению скрытой заработной платы позволили оценить масштабы неформальной занятости (см. таблицу 1): в среднем около 40 проц. фонда оплаты труда в России скрыто от статистического наблюдения. Отметим, что не вся скрытая от наблюдения заработная плата классифицируется как теневые доходы, поскольку из поля зрения статистики исключены также и все заработки работников, занятых на малых предприятиях. Если принимать во внимание масштабы официальной занятости на предприятиях и в учреждениях данного типа и уровень официальной оплаты труда на них, по нашим

экспертным оценкам, примерно половина нерегистрируемого фонда оплаты труда складывается в рамках непрозрачных трудовых отношений. Это означает, что около 20 проц. фонда оплаты труда не участвует в формировании отчислений на выплату пенсий.

За двадцать постсоветских лет Россия прошла через три пенсионные реформы, результатом которых стало введение обязательного участия в пенсионных накоплениях для всех, кто родился после 1967 года, сохранение для всех права одновременного получения пенсии и заработной платы и самого низкого в Европе пенсионного возраста. В 2012-м была разработана четвертая реформа, сформулированная в Стратегии развития пенсионной системы до 2030 года, согласно которой:

- принято решение, что накопительная часть трансформируется из обязательной в добровольную, что практически блокирует ее развитие;
- предпринята попытка стимулирования более позднего выхода на пенсию при сохранении действующего нормативного пенсионного возраста и всеобщего права на получение пенсии и заработной платы в полном объеме для работающих пенсионеров;
- внесены изменения в пенсионную формулу, нацеленные на повышение дифференциации размера пенсии в зависимости от стажа работы, заработка в период трудовой деятельности и срока выхода на пенсию.

Эти преобразования направлены в первую очередь на сбалансированность доходов и расходов пенсионной системы, а не на повышение среднего размера пенсий и выравнивание уровня жизни на различных этапах жизненного цикла. Трудно предположить, что в добровольном режиме при высокой инфляции и кризисе фондового рынка накопительная часть пенсии будет значимой хотя

бы у представителей среднего класса. Для них более привлекательными являются инвестиции в собственное здоровье, что позволит сколько-либо длительное время совмещать занятость и получение пенсии, или в недвижимость, которая будет монетизирована при наступлении пенсионного возраста.

На примере пенсионного обеспечения мы можем увидеть одну из ловушек для устойчивого развития: рынок труда и демография не создают базы для эффективной солидарной распределительной пенсионной системы. Значит, у людей нет уверенности в том, что в пожилом возрасте у них будут высокие шансы на достойный уровень жизни, а если есть опасения относительно благосостояния в старости, то отсутствуют мотивы для преодоления поведенческих факторов высокой смертности. Мощным стимулом к жизнесохраняемому образу жизни может стать участие в накопительной пенсионной системе, и именно по такому пути пошло большинство экономически развитых стран: если в течение 20–30 лет накапливаешь ресурсы на старость, то хотелось бы дожить до того периода, когда сможешь их получать, и пожить некоторое время в условиях обеспеченной старости. В настоящее время в России успешность такого решения поставлена под сомнение из-за высокой инфляции, кризиса фондового рынка и низких темпов экономического роста. Проблема выравнивания жизненных шансов на различных этапах жизненного цикла решается при любой модели социально-политического устройства: в доиндустриальные периоды основной упор был на ресурсы семьи, но в последующих моделях усиливается роль семейных ресурсов, среди которых пенсионное обеспечение — главный инструмент.

Еще одним важным источником информации о реализованных, упущенных и все еще существующих возможностях развития представляется структура денежных доходов населения. В последние годы советского периода

она в основном соответствовала стандартам общества, прошедшего этап индустриального развития, хотя и демонстрировала ряд отличий от рыночных экономик, связанных со статусом доходов от собственности и предпринимательской деятельности (см. таблицу 1 на с. 11). Важно подчеркнуть, что в начале рыночных реформ предпринимательские доходы и развитие предпринимательства в значительной степени демпфировали для населения негативные последствия структурных экономических преобразований: в 1993-м доходы от предпринимательской деятельности составляли 18,6 проц. от общего объема доходов. Многие экономисты именно предпринимательство рассматривали как новую

возможность для сектора домохозяйств в условиях рыночной экономики. Однако в период высоких темпов экономического роста и на этапе стагнации данный вид экономической деятельности стал вносить все меньший вклад в доходы населения, и к 2011 году удельный вес предпринимательских доходов снизился до 9,1 процентов. Динамика структуры доходов населения позволяет рассматривать последние два анализируемых этапа экономического развития как период упущенных возможностей для активизации предпринимательской деятельности.

Формально в предпринимательскую деятельность вовлечено порядка 45 проц. всех российских домохозяйств, однако в

Таблица 1

СТРУКТУРА ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ, %							
Год	Всего денежных доходов	В том числе (в %)					
		доходы от предпринимательской деятельности	оплата труда, включая скрытую заработную плату	скрытая заработная плата	социальные выплаты	доходы от собственности	другие доходы
1985	100	2,7	74,8	–	16,4	1,5	4,6
1990	100	3,7	76,4	–	14,7	2,5	2,7
1992	100	8,4	73,6	–	14,3	1,0	2,7
1993	100	18,6	61,1	–	15,0	3,0	2,3
1994	100	16,0	64,5	–	13,5	4,5	1,5
1995	100	16,4	62,8	25,0	13,1	6,5	1,2
1996	100	13,1	66,5	25,8	14	5,3	1,1
1997	100	12,5	66,4	27,9	14,8	5,7	0,6
1998	100	14,4	64,9	26,2	13,4	5,5	1,8
1999	100	12,4	66,5	31,2	13,1	7,1	0,9
2000	100	15,4	62,8	24,7	13,8	6,8	1,2
2001	100	12,6	64,6	25,9	15,2	5,7	1,9
2007	100	10,0	67,5	26,1	11,6	8,9	2,0
2008	100	10,3	65,5	20,8	13,2	9,0	2,0
2009	100	9,7	65,2	24,0	14,9	8,2	2,0
2010	100	9,3	64,6	23,0	17,7	6,3	2,0
2011	100	9,1	67,1	25,5	18,3	3,6	2,0

Источник: данные Росстата.

основном речь идет о личном подсобном хозяйстве, с которым связана деятельность 40 проц. российских семей. Вместе с тем, согласно данным РМЭЗ–ВШЭ, только около 10 проц. домохозяйств получают доходы от личного подсобного хозяйства, и в большинстве случаев эти семьи не попадают в два верхних квинтиля распределения по доходам. Следовательно, предпринимательство в форме личного подсобного хозяйства представляет собой скорее модель выживания, нежели развития. Другая группа предпринимателей – это владельцы малых предприя-

ных оптовых сетях, закупающих продукцию у предпринимателей и производителей услуг и товаров для малого бизнеса.

Следующий индикатор качества развития – доходы от собственности и финансовых активов. В России в схемы получения такого рода доходов, которые составляют 5–10 проц. в общем объеме доходов населения, также включен достаточно ограниченный круг людей. Согласно авторским оценкам на основе данных обследования РидМиЖ, проведенного в 2007 году, только 2 проц. всех домохозяйств отмечают доходы

“Стратегии формирования доходов, основанных на новых источниках поступлений, доступны максимум 8 проц. российского населения”.

тий, нотариусы и адвокаты; они имеют высокие шансы попасть в два верхних квинтиля по доходам. Однако такая модель восходящей вертикальной мобильности на шкале доходной обеспеченности доступна не более чем 5 проц. российских семей, согласно данным РМЭЗ–ВШЭ.

Главным препятствием для развития предпринимательства, как правило, считаются административные барьеры: малые предприниматели – по одну сторону, а банки, чиновники, проверяющие органы – по другую сторону баррикад. В постиндустриальных странах институциональные правила позволяют малому и среднему бизнесу делегировать часть рисков более мощным структурам, способным противостоять административному давлению и создавать благоприятную среду для развития. Речь идет о банках, осуществляющих кредитование и услуги факторинга; страховых компаниях, страхующих основные риски; лизинговых компаниях, обеспечивающих доступ к дорогостоящим движимым материальным активам; владельцах недвижимости, сдающих в аренду помещения; круп-

от собственности и финансовых активов как значимый источник денежных поступлений. Среди тех, кто имеет текущие доходы, характерные для среднего класса, доля вышеназванных доходов составляет всего 3 проц., а в кругу домохозяйств, отнесенных к среднему классу на основе материальных признаков, характеристик занятости и возможностей контролировать свое социально-экономическое положение, их доля поднимается до 4 процентов.

Таким образом, стратегии формирования доходов, основанных на новых, по сравнению с советским периодом, источниках денежных поступлений, доступны максимум 8 проц. российского населения, и за последние годы каких-либо значимых институциональных или экономических изменений, расширяющих их круг, не происходило. Этот результат свидетельствует о том, что у среднего класса есть потенциал роста за счет преимущественно рыночных источников доходов населения, так как в развитых странах доходы от собственности и предпринимательской деятельности – зна-

чимый ресурс для 20–25 проц. населения. Пока все усилия, направленные на содействие развитию предпринимательства, не достигают желаемой цели, а в ряде случаев, наоборот, подталкивают его к «уходу в тень». Последний пример – это принятое в конце 2012-го решение о повышении нормативного ежемесячного дохода индивидуальных предпринимателей, с которого уплачиваются отчисления в Пенсионный фонд, до двух размеров минимальной оплаты труда. Первая реакция на такую политику стала заметна в I квартале 2013 года, когда 300 тыс. индивидуальных предпринимателей аннулировали свой юридический статус. В целом масштаб последствий мы сможем оценить по результатам 2013 года, но уже очевидно, что новые механизмы формирования пенсионных прав не способствуют повышению предпринимательской активности.

Еще одна важная тема, связанная со структурой доходов населения, – это динамика доли социальных трансфертов в общем объеме доходов населения. Данные таблицы 1 (см. с. 11) указывают на то, что в 2011-м удельный вес данного вида денежных поступлений в доходах населения поднялся до беспрецедентно высокого уровня (18,3 проц.), чего не наблюдалось даже в советский период. Нарастание удельного веса социальных выплат происходит как за счет роста пенсий, так и за счет увеличения социальных пособий. В структуре последних лидируют выплаты отдельным льготным категориям граждан и пособия на поддержку семей с детьми, но в общем объеме социальных выплат в различные годы пенсии составляли 67–70 проц. от всех социальных трансфертов. Тот факт, что сегодняшние масштабы перераспределения доходов в секторе домохозяйств выше, чем в советское время, – это тревожный сигнал. Его можно трактовать как руководство к тому, чтобы приостановить рост расходов консолидированного бюджета на соци-

альные выплаты. Однако средняя пенсия по-прежнему остается на достаточно низком уровне по сравнению с заработной платой: в феврале 2013-го она составила 9711 руб., то есть 36 проц. от средней заработной платы.

Возрастающая роль социальных трансфертов в доходах населения – это реакция правительства на высокое неравенство и попытка выровнять доходную обеспеченность на различных этапах жизненного цикла с помощью перераспределительных мер. При солидарной пенсионной системе и плоской шкале подоходного налога все возникающие в этой сфере риски государство принимает на себя. Недавно была предпринята попытка их диверсификации посредством введения налога на роскошь и развития накопительной компоненты пенсионного обеспечения путем добровольных и обязательных отчислений. Пока значимого результата запущенные механизмы не принесли, более того, развитие инструментов пенсионных накоплений практически заблокировано инициативами новой Стратегии пенсионного обеспечения. Если рассуждать о возможных развилках в будущем, то видится два варианта: либо придется признать, что распределительная пенсионная система гарантирует только защиту от бедности и не более того, что усложняет взаимоотношения со средним классом, либо придется увеличить налоговую нагрузку на богатых, что создает напряжение во взаимоотношениях с элитами. В этой связи резкий уход государства из системы пенсионных накоплений представляется ошибочным.

Дифференциация доходов и бедность: барьеры или драйверы развития?

Дифференциация населения по уровню благосостояния постоянно находится в поле зрения и периодически становится предметом острых социально-политических дискуссий. Исследователи считают, что рост неравенства доходов – один из основных

Таблица 2

ДИНАМИКА ИНДИКАТОРОВ НЕРАВЕНСТВА В 1991–2011 ГОДАХ				
Год	Дифференциация доходов		Дифференциация заработной платы	
	Коэффициент Джини	Коэффициент фондов, раз	Коэффициент Джини	Коэффициент фондов, раз
1991	0,260	4,5	0,317	7,8
1992	0,289	8,0	–	–
1993	0,398	11,2	–	–
1994	0,409	15,1	0,439	23,4
1995	0,381	13,5	0,454	26,4
1996	0,375	13,0	0,445	24,0
1997	0,390	13,6	0,447	25,0
1998	0,394	13,8	–	–
1999	0,399	13,9	0,480	32,1
2000	0,395	13,9	0,483	34,0
2001	0,397	13,9	0,508	39,6
2002	0,397	14,0	0,477	30,5
2003	0,403	14,5	0,481	30,0
2004	0,409	15,2	0,467	26,4
2005	0,409	15,2	0,456	24,9
2006	0,416	16,0	0,459	25,3
2007	0,423	16,8	0,447	22,1
2008	0,423	16,9	0,439	20,6
2009	0,422	16,7	0,418	14,7
2010	0,420	16,5	0,413	14,4
2011	0,416	16,1	0,425	16,1

Источник: данные Росстата.

социально-экономическим риском, порожаемых глобализацией⁷. Особое значение проблема неравенства приобрела в связи с рыночной трансформацией постсоциалистических стран, которая сопровождалась скачкообразным ростом дифференциации доходов. В конце 1980-х Россия наряду со скандинавскими странами входила в группу стран с низким уровнем дифференциации доходов⁸. Согласно официальным данным Росстата, в первые годы структурных реформ в России – на фоне рецессии и двукратного падения доходов – фондовый коэффициент дифференциации увеличился с 4,5 раз

в 1991-м до 15,1 раз в 1994 году (см. таблицу 2 на с. 14). Затем наблюдалось незначительное снижение, а период высоких темпов экономического подъема отличался ростом неравенства, который приостановился лишь на этапе стагнации.

Учитывая дифференциацию доходов в России, рассмотрим динамику роста доходов по 20-процентным группам (см. рисунок 2 на с. 17). Описанная выше динамика средних доходов в реальном выражении наиболее близка к динамике доходов четвертого квинтиля. Три нижние квинтильные группы (или 60 проц. населения

страны) имели более низкие темпы роста доходов на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, по показателю реальных денежных доходов домохозяйства из третьей квинтильной группы лишь к 2007 году достигли уровня 1991-го, а доходы домохозяйств из двух нижних квинтильных групп по-прежнему находятся ниже данного уровня. Пятый квинтиль (с самыми высокими доходами), напротив, значительно оторвался от остальных домохозяйств, нарастив доходы более чем в два раза. Это означает, что гипотеза о массовой смене потребительской модели может не пройти тест на неравенство доходов, поскольку положительные изменения происходят лишь у высокодоходных групп.

В этой связи следует более подробно остановиться на трех аспектах, характеризующих неравенство. Первый связан с заработной платой, которая традиционно отличается большей дифференциацией, особенно в том случае, когда речь идет о коэффициенте Джини, учитывающем неравенство по всему ряду распределения, а не только на его «хвостах», что характерно для коэффициента фондов. Действительно, в период структурных реформ ярко проявилась именно эта тенденция, и она продолжалась в первые годы ускоренного экономического роста (см. таблицу 2 на с. 14). Начиная с 2002 года фиксируются ускоренные темпы снижения неравенства в оплате труда, и эта тенденция сохранилась и на этапе стагнации.

Дискуссия российского экспертного сообщества о корректном измерении неравенства

Как известно, в настоящее время источником первичных данных для оценки неравенства доходов российского населения служат данные проводимого Росстатом Обследования бюджетов домохозяйств (ОБДХ), выборка которого, по разным оценкам, репрезентирует от 80 до 97 проц. российского населения. Из выборки выпадают «крайние» слои населения: как самые бедные и социально уязвимые (бомжи, беженцы, вынужденные переселенцы и пр.), так и самые богатые. Для корректировки Росстат проводит дооценку денежных доходов (примерно на 20 проц., в соответствии с данными о розничном товарообороте) на основе ряда распределения, выравненного по двухпараметрической логнормальной модели. До 1992 года методика, по которой выстраивалось распределение по доходам, состояла в том, что

один из параметров этой модели — среднеквадратическое отклонение логарифмов — оценивался на основе данных ОБДХ, а другой параметр — уровень среднедневного дохода — определялся по данным баланса денежных доходов и расходов. При этой методике оценки неравенства для всего населения практически совпадали с их значениями по бюджетной статистике. Начиная с 1992-го Росстат использует иной метод, который невозможно идентифицировать на основе официальных публикаций. Вопрос о том, насколько целесообразно использовать логнормальную модель для оценки неравенства в распределении доходов российского населения, в настоящее время вызывает большие споры в научном сообществе.

Многие исследователи считают и аргументированно доказывают, что официальная статистика занижает показатели неравен-

ства. Например, по мнению Анатолия Суворова, в условиях беспрецедентного роста дифференциации доходов «динамика средних показателей утрачивает свою представительность» и для характеристики уровня жизни следует использовать модальный доход как наиболее часто встречающийся, типичный для основной массы населения⁹. Таким образом, автор предлагает дополнить логнормальную модель еще одним параметром — модальным доходом, полученным из данных бюджетных обследований. По расчетам этой трехпараметрической логнормальной модели были получены альтернативные оценки фондовых коэффициентов дифференциации, которые в 1997—2000 годах составляли около 40 раз (в 1997-м — 38,3 раза, в 1998-м — 38,7 раза, в 1999 году — 38,8 раза, в 2000-м — 41,2 раза), что более чем в три раза превышает официальные оценки¹⁰.

Большой вклад в повышение точности практических измерений неравенства внесли методологические разработки Алексея Шевякова и Александра Кируты¹¹. Они доказывают, что занижение показателей неравенства в официальной статистике связано с несовершенством методики расчета оценок неравенства на основе логнормальной модели, которая неточно отражает фактическое распределение по доходам. В отличие от Суворова, который предлагает корректировать эту модель путем включения в нее дополнительного параметра — модального дохода, Шевяков и Кирута рекомендуют использовать принципиально новый методологический подход к моделированию распределения доходов, основанный на объединении разработанной ими методики взвешивания выборочных данных с непараметрическими методами оценки функции плотности распределения. По их расчетам, в 1991 году значение фондового коэффициента дифференциации составило 8,9 раза

против 4,5 раза по официальной методике Росстата, а в 1997-м — 23,3 против 13,5 раза. В целом рассчитанные авторами показатели неравенства в 1,5—2,0 раза превышают официальные оценки.

Результаты исследований, которые проводятся в Лаборатории распределительных отношений ИСЭПН РАН, продемонстрировали, что официальные показатели неравенства занижены по крайней мере в 1,5 раза. Например, была предпринята попытка пересчета коэффициента фондов в целом по России¹². С 1995 года коэффициент фондов оценивается по имитационной модели, игнорирующей региональные различия в стоимости жизни (что завышает реальный уровень неравенства) и региональные различия в неравенстве доходов (что занижает реальный уровень неравенства). Другими словами, в первую децильную группу российской выборки включаются все децильные группы региональных выборок, то есть

10 проц. самых бедных в Москве объединяются с 10 проц. самых бедных в Дагестане и пр., при этом считается, что покупательная способность доходов везде одинакова¹³. Официальный коэффициент фондов для России, рассчитанный таким образом, в 2000-м составил 13,9 раза. Оценки, полученные ИСЭПН РАН, показали, что если пересчитать официальное распределение численности населения по величине среднедушевых денежных доходов в среднем по населению РФ путем суммирования соответствующих численностей по регионам, то разрыв в денежных доходах 10 проц. самых бедных и 10 проц. наиболее богатых россиян составил бы не менее 16—17 раз. В целом имеющиеся оценки неравенства дают представление о его масштабах, однако необходимо подчеркнуть, что достоверных количественных данных уровня неравенства не дает ни одна из существующих в нашей стране форм статистического учета и методик расчета.

Как и в случае с неравенством по доходам, источники информации о дифференциации оплаты труда достаточно ограничены. Если обращаться к официальным публикациям, то в распоряжении исследователей имеются лишь данные обследования неравенства заработной платы, выплаченной работникам крупных и средних предприятий, которое проводится Росстатом в апреле каждого года. На данный сегмент занятости приходится примерно половина всех работников и порядка 60—70 проц. фонда оплаты труда. Кроме того, в данных за апрель практически вся переменная часть оплаты труда не наблюдается. По оценкам за разные годы переменная составляющая оплаты труда — это 30—50

проц. от годового фонда зарплаты. С высокой вероятностью можно предположить, что учет всех сегментов экономики и переменной части заработков приведет к росту зарплатного неравенства. Скорее всего, именно недоучет более чем половины трудовых доходов наемных работников объясняет различия в темпах изменений неравенства доходов и заработной платы, а также противоположную направленность динамики доходного и зарплатного неравенства в отдельные временные промежутки.

Несмотря на то что сравнение динамики индексов неравенства доходов и заработной платы не представляется корректным, мы можем сделать определенные выводы отно-

сительно того, какие факторы влияли на неравенство зарплаты на крупных и средних предприятиях. Для этого данные таблицы 2 (с. 14) сравним с данными рисунка 3 (с. 18), который показывает динамику средней заработной платы в данном сегменте экономики, выделяя отдельно минимальную заработную плату и среднюю заработную плату в преимущественно бюджетных секторах экономики (образование и здравоохранение). На этапе экономического роста, когда минимальная заработная плата росла достаточно низкими темпами, неравенство снижалось за счет повышения зарплат низкооплачиваемого рыночного сегмента экономики. В частности, в 2002–2003 годах этот эффект в основном обеспечивали сельское хозяйство, пищевая промышленность, строительство и розничная торговля. В период стагнации существенный вклад в снижение неравенства

внесли ускоренный рост минимальной оплаты труда и зарплаток в бюджетном секторе экономики. Снижение неравенства преимущественно за счет более высоких темпов роста зарплаток в низкооплачиваемом сегменте — это еще один аргумент в пользу того, что Россия преодолевает стандарт выживания как массовую модель потребительского поведения.

Второй вопрос, который заслуживает внимания при обсуждении динамики доходного неравенства в постсоветской России, это сравнение результатов альтернативных исследований. С этой целью обратимся к данным обследования РМЭЗ–ВШЭ, позволяющего охарактеризовать динамику дифференциации в 1992–2010 годах, используя единую методологию на протяжении всего рассматриваемого периода. Ранее уже отмечалось, что эмпирической основой для

Рисунок 2

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Рисунок 3

**ДИНАМИКА ХАРАКТЕРИСТИК ОПЛАТЫ ТРУДА НА КРУПНЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ,
В РЕАЛЬНЫХ ЦЕНАХ 1991 ГОДА (1991=100%)**

Источник: рассчитано по данным Росстата.

официальных оценок неравенства являются данные ОБДХ. На рисунке 4 (с. 14) представлены абсолютные значения двух индексов неравенства, которые используются в официальных публикациях Росстата, — коэффициента Джини и коэффициента фондов. Поскольку официальные оценки распределения по доходам выводятся из данных о расходах, при работе с данными РМЭЗ мы также оперировали показателем *душевых денежных расходов*¹⁴. Данные о расходах считаются более надежным показателем для оценки неравенства на основе результатов выборочных обследований населения, особенно в период структурных реформ, и более устойчивым к случайным колебаниям в сравнении с доходами¹⁵.

О чем свидетельствуют результаты при сравнении официальных оценок неравенства и оценок, полученных на данных РМЭЗ—ВШЭ? Во-первых, последние фиксируют

гораздо большую степень дифференциации в период рецессии 1990-х: в 1992 году значение коэффициента Джини по данным РМЭЗ—ВШЭ составило 0,453, что в 1,6 раза выше официального показателя, а разрыв в значении коэффициента фондов составлял более трех раз. Во-вторых, в отличие от официальных, данные РМЭЗ—ВШЭ показывают, что на этапе экономического роста неравенство существенно снижалось. Начиная с 2007 года официальные оценки и оценки по данным РМЭЗ—ВШЭ практически совпадают.

В политической риторике стало модным негативное отношение к неравенству, хотя именно благодаря неравенству формируются модели трансформации образования и занятости в доходы, а доходов — в инвестиции. Региональное и поселенческое неравенство в доходах — это сигнал для перемещения трудовых ресурсов к точкам экономического роста, хотя население в целом негативно

относится к территориальному неравенству в доходах. Изучение факторов дифференциации доходов на микроуровне позволит, во-первых, определить лифты восходящей доходной мобильности, во-вторых, оценить их эффективность.

На неравенство доходов могут влиять как различия в доходах между группами населения с разными демографическими характеристиками (возраст, структура домохозяйства), так и изменения демографической структуры. Возраст индивида отражает его положение на карьерной лестнице и стадию жизненного цикла семьи. Заработная плата, как правило, растет с возрастом за счет накопленного опыта работы и/или большего соответствия между навыками работника и требованиями работодателей. Стадия жизненного цикла семьи также оказывает влияние на доходы домохозяйства: последние, как правило, снижаются, когда в семье есть

дети. Демографические изменения, такие как старение населения и снижение рождаемости, также влияют на неравенство доходов. Увеличение продолжительности жизни и пенсионного возраста тех, кто родился в период послевоенного «бэби-бума», привели к изменениям в возрастной структуре населения: доля пожилых растет, тогда как доля детей и трудоспособных сокращается. Снижение рождаемости и увеличение вероятности распада союзов ведут к сокращению среднего размера домохозяйств.

Поскольку доходы от занятости являются основным источником существования для большинства обычных семей, доходы домохозяйств в значительной степени определяются статусом членов домохозяйства на рынке труда. Как краткосрочные флуктуации уровня безработицы, так и более фундаментальные изменения (например, рост занятости женщин или все большая сегментация

Рисунок 4

Источник: рассчитано по данным РМЭЗ—ВШЭ и Росстата.

рынка труда) влияют на статус занятости домохозяйств. Таким образом, изменения на рынке труда – важные драйверы неравенства. Образование – существенный фактор, определяющий перспективы индивида на рынке труда. В соответствии с теорией человеческого капитала индивидуальная производительность растет вместе с числом лет обучения, что находит отражение в более высокой зарплате людей с высоким уровнем образования. Следовательно, уровень образования влияет на доходы индивидов и домохозяйств. Изменение структуры образования (например, расширение доступности высшего образования) и рост доходных различий в зависимости от уровня образования становятся важными факторами неравенства доходов на микроуровне.

Перспективы индивида на рынке труда могут также зависеть от пространственных аспектов рынка труда: доступность занятости и оплата труда может быть выше в более урбанизированных районах. Экономическая активность часто концентрируется в крупных городах, и это приводит к большему спросу на труд на урбанизированных территориях. Если существуют препятствия для мобильности населения, пространственное неравенство может стать источником застойного неравенства и бедности домохозяйств, проживающих в экономически неразвитых районах.

Таким образом, мы исходим из того, что уровень экономического благосостояния домохозяйств определяется их демографической структурой (число взрослых и детей, пол и возраст членов домохозяйства), социально-экономическим статусом (уровень образования и статус занятости членов домохозяйства) и «внешними» факторами, связанными с местом проживания. В отличие от традиционного подхода к агрегированию индивидуальных признаков до уровня домохозяйства, когда используются характеристики главы семьи, мы строим типологию домохозяйств на основе доминирования определенного признака¹⁶. Финальный набор факторов включает следующие характеристики домохозяйств: (1) *размер домохозяйства*, (2) *гендерный состав* (соотношение числа взрослых женщин и мужчин), (3) *возрастная структура* (соотношение числа индивидов в возрасте 65 лет и старше и индивидов в возрасте 18–64 лет), (4) *детская нагрузка* (соотношение числа детей до 18 лет и работающих взрослых), (5) *уровень образования* (соотношение числа взрослых с высшим и без высшего образования), (6) *статус занятости* (соотношение числа занятых и незанятых взрослых¹⁷), (7) *тип населенного пункта*, (8) *регион*¹⁸ (см. рисунок 5 на с. 22).

Демографические факторы достигают 5-процентного порога лишь в отдельные

Метод декомпозиции неравенства

Изучить факторы дифференциации доходов на микроуровне позволяет декомпозиция агрегированных индексов неравенства. Если рассматривать весь имеющийся набор доходов как совокупность, где в качестве подгрупп выступают группы индивидов, выделенные на основе какого-либо признака, можно разложить общее нера-

венство доходов на неравенство между этими подгруппами и неравенство внутри подгрупп. Некоторые индексы неравенства, например меры, принадлежащие к классу Обобщенной Энтропии, без остатка раскладываются на внутри- и межгрупповую компоненты неравенства¹⁹. Внутригрупповая компонента равна сумме индексов неравен-

ства всех подгрупп, перевзвешенных по доле населения в подгруппах; межгрупповая компонента неравенства рассчитывается так же, как сам индекс неравенства, за тем исключением, что индивидуальные доходы заменяются средними доходами подгрупп. Последняя интерпретируется как вклад данного фактора в общее неравенство.

годы, и ни один из них не преодолевает этого порога в течение всего периода 1994–2010 годов. Например, вклад фактора «размер семьи» приближался к 5 проц. в 1995–1996-м и к 4 проц. в 2003–2004 годах. В 2009-м его значение вновь стало расти, перешагнув порог в 5 проц. в 2010 году. На протяжении 1998–2007 годов наиболее значимый вес среди демографических факторов (около 4–5 проц.) имела «возрастная структура», в последние годы утратившая свое влияние.

Стабильно высокий вес на протяжении всего рассматриваемого периода имели оба фактора, связанные с местом проживания домохозяйства. Значение фактора «тип поселения» находилось около 5-процентного порога с середины 1990-х и до начала 2000-х. В 2003 году вес фактора достигал максимального уровня (7,2 проц.), а начиная с 2004-го фактор стал терять свою значимость, приблизившись к значению 4 проц. в 2008–2010 годах. Значимость региональных различий

“Пространственное неравенство может стать источником застойного неравенства и бедности домохозяйств, проживающих в экономически неразвитых районах”.

Фактор «высшее образование» не входил в число значимых в начале переходного периода (в 1992 году его вклад в неравенство составлял менее 2 проц.), и хотя его вес начал расти уже в середине 1990-х, заметный скачок вверх произошел лишь в 1998–2000 годах. В первой половине 2000-х вклад фактора колебался на уровне 7–8 проц. с одно-моментным снижением до 6 проц. в 2003–2004 годах. В 2006–2007 годах он набрал максимальный вес (10 проц.), опережая все остальные факторы неравенства, помимо регионального. С началом кризиса в 2008-м удельный вес «образования» снизился до 6–7 проц., однако по данным за 2010 год вновь фиксируется прирост веса данного фактора.

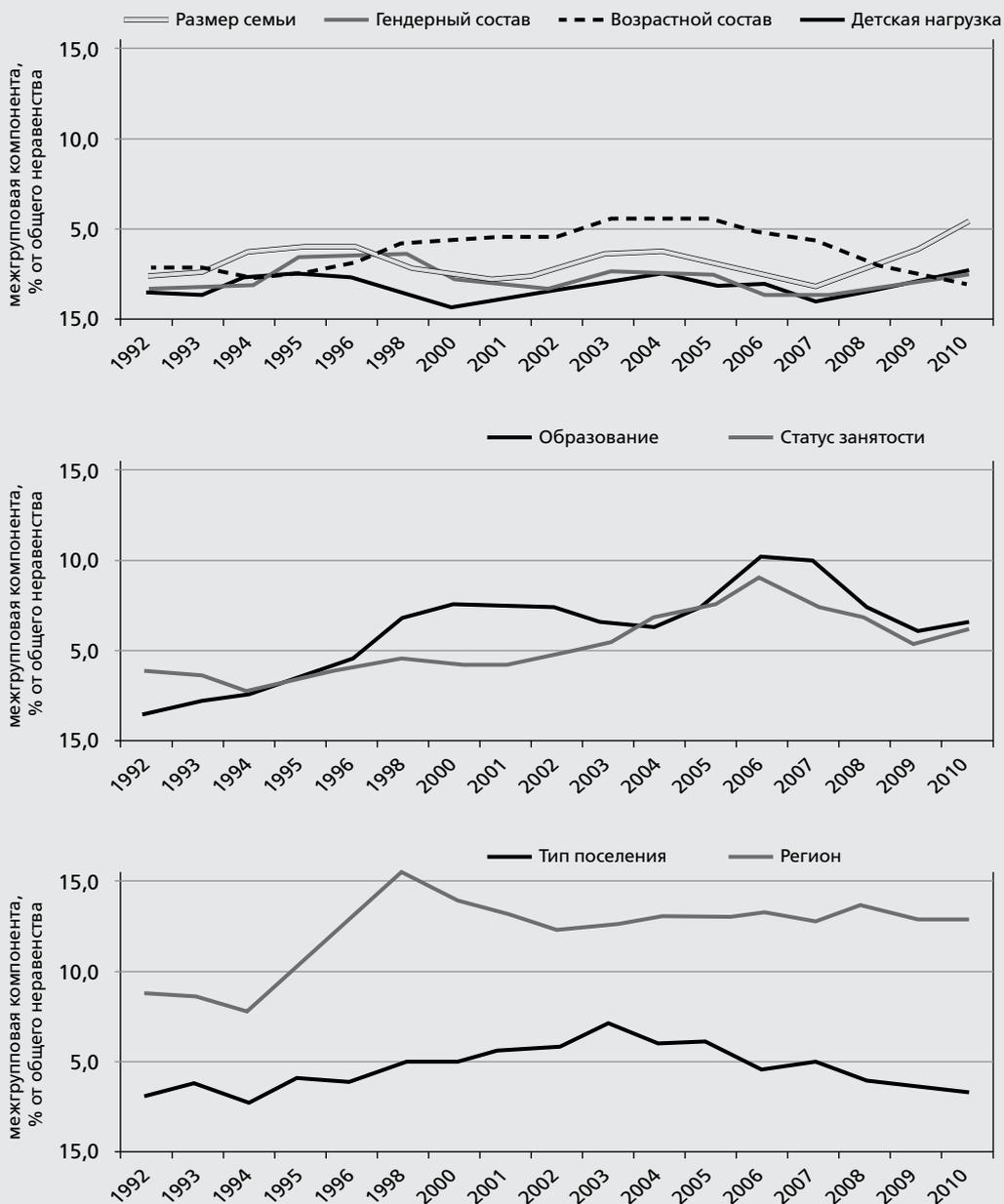
Динамика фактора «статус занятости» в значительной степени повторяет кривую фактора «образование». В начале 1990-х вклад этого фактора в неравенство не превышал 5 процентов. В дальнейшем он непрерывно возрастал, достигнув максимума в 2006 году (9 процентов). В 2008–2009 годах значение фактора снижалось, а в 2010-м вновь наблюдается положительная тенденция роста, однако насколько она устойчива, покажут дальнейшие наблюдения.

Для объяснения общего неравенства была высокой уже в 1992 году (9 проц.), но особенно весомым данный фактор стал во второй половине 1990-х, когда его значение выросло до 15 процентов. Учитывая, что используемый нами показатель душевых расходов сглажен по регионам, можно предположить, что вклад регионального фактора, на самом деле, еще выше. В начале 2000-х межрегиональные различия стали уменьшаться, и в 2002 году значение регионального фактора опустилось до 12 процентов. В последние несколько лет значение данного фактора замерло на уровне 13 проц., что как минимум в два раза выше веса любого из рассматриваемых факторов.

В целом за годы постсоветского развития значимость всех тестируемых факторов межгруппового неравенства, за исключением возрастной структуры, увеличилась, что позволяет сделать вывод о том, что для населения стали очевиднее пути продвижения к более высоким доходам. Однако самые высокие темпы роста наблюдались у фактора «уровень образования», вес которого увеличился почти в 5 раз, а если исключить из рассмотрения кризисные годы (2008–2010), то в 7 раз. Следовательно, несмотря на все

Рисунок 5

ФАКТОРЫ НЕРАВЕНСТВА В 1992—2010 ГОДАХ (ВКЛАД МЕЖГРУППОВОЙ КОМПОНЕНТЫ В ОБЩЕЕ НЕРАВЕНСТВО, СРЕДНЕЕ ЛОГАРИФИЧЕСКОЕ ОТКЛОНЕНИЕ)

Примечание: для данного размера выборки значимыми считаются факторы, вес которых превышает 5 процентов.
 Источник: рассчитано по данным РМЭЗ.

особенности экономического развития, проведенный анализ подтверждает, что инвестиции в человеческий капитал дают высокую отдачу, а новая модель развития связана именно с человеческим потенциалом. С другой стороны, на протяжении всего рассматриваемого периода наиболее весомым фактором дифференциации российских домохозяйств по уровню расходов оставалось региональное неравенство, что отражает закономерности экономического развития, в котором ставка сделана на крупные города и сырьевую экономику.

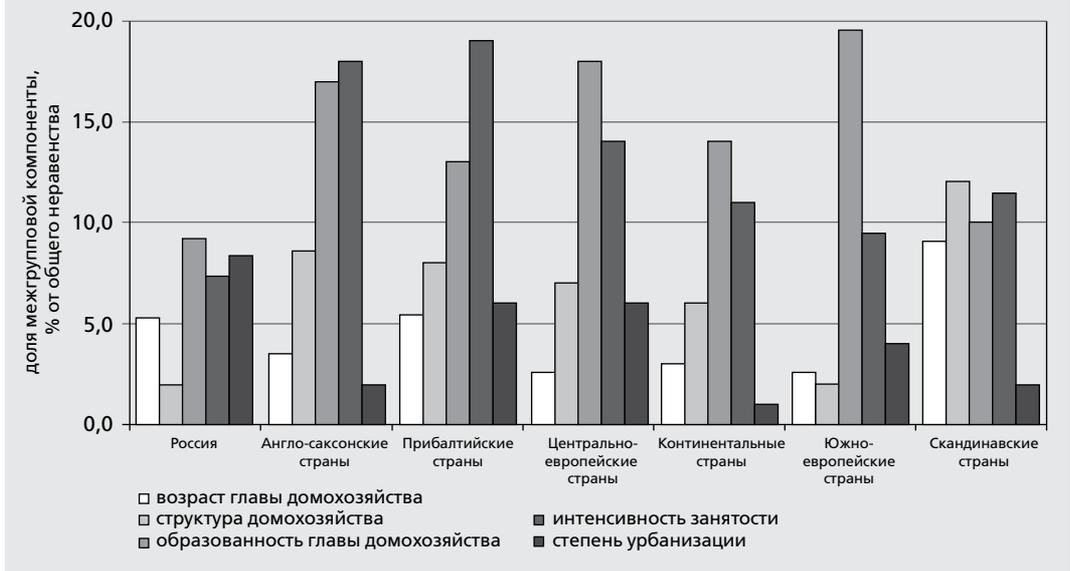
Насколько хорошо работают обозначенные лифты доходной мобильности? Для ответа на этот вопрос обратимся к методу межстрановых сопоставлений. Отличается ли Россия от других стран по набору и весу факторов неравенства? Метод декомпозиции неравенства неоднократно использовался

различными авторами, которые изучают влияние индивидуальных и домохозяйственных характеристик на неравенство доходов в Европе и странах ОЭСР²⁰. Последние результаты с использованием данного метода для стран Европейского Союза приведены в годовом отчете Обсерватории социальных процессов, существующей при поддержке Европейской комиссии²¹. Для сравнительного анализа при расчете российских показателей мы опирались на методологию расчета доходов и типологий домохозяйств, примененную именно в этом докладе.

Рисунок 6 (на с. 23) показывает, как эффект различных факторов неравенства (средние невзвешенные значения межгрупповых компонент неравенства) варьируется в кластерах стран с разными моделями государства благосостояния. В сравнении с европейскими странами в России наблюдается

Рисунок 6

СРЕДНИЙ ВКЛАД СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ОБЪЯСНЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА ПО КЛАСТЕРАМ СТРАН С РАЗНЫМИ РЕЖИМАМИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ, 2006 ГОД

Источник: для стран ЕС — Annual Monitoring Report of Social Situation Observatory (Brussels, 2009); для России рассчитано по данным РМЭЗ-ВШЭ 2006 года.

более низкий вклад межгрупповых различий в общее неравенство: ни один признак из нашего набора не имеет веса выше 10 процентов. Это означает, что обусловленные неравенством лифты восходящей доходной мобильности, включая образование, работают слабо и только поселенческий фактор является исключением из этого правила. Этот вывод подтверждается и тем фактом, что в России значения межгрупповых компонент неравенства ниже европейских при условии, что общий уровень неравенства в нашей стране как минимум в 1,5 раза выше европейского.

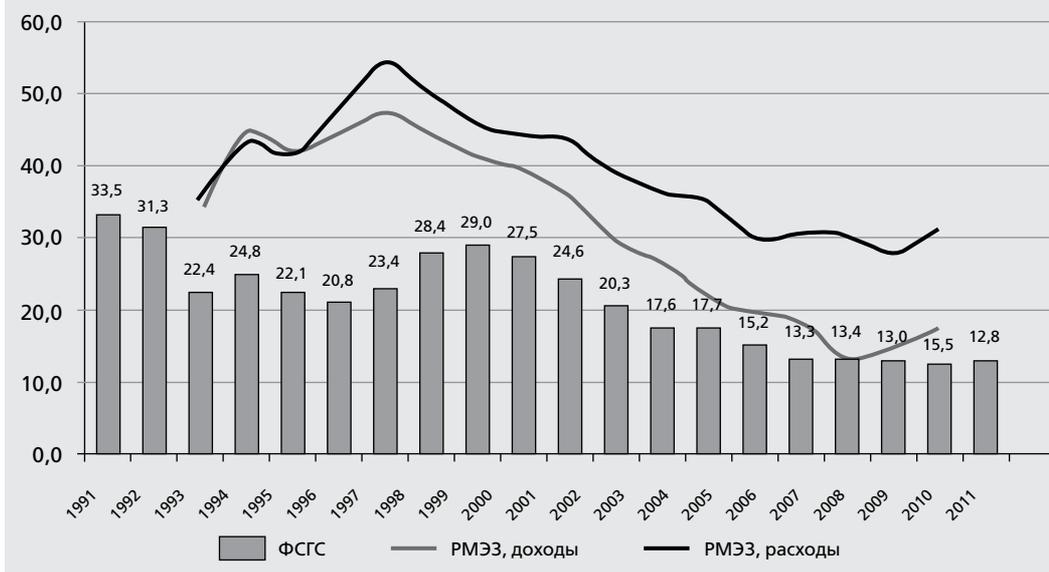
По структуре факторов неравенства Россия не похожа ни на одну из европейских моделей. В нашей стране различия по уровню образования — более значимая причина неравенства, чем интенсивность занятости. Такая же ситуация характерна для стран Центральной Европы, континенталь-

ных и южноевропейских стран, тогда как в англо-саксонских странах образование и интенсивность занятости имеют примерно одинаковое значение, а в балтийских странах интенсивность занятости является самым важным фактором неравенства. В среднем по всем кластерам демографические переменные менее значимы в сравнении с эффектом образования и интенсивности занятости. Лишь скандинавские страны демонстрируют другую модель с практически равным весом демографических характеристик и характеристик, связанных с положением на рынке труда.

Динамика бедности служит одним из основных маркеров преобладающего национального стандарта потребительского поведения. В России официальное определение бедности базируется на абсолютной концепции ее измерения, а основным индикатором является доля населения с доходами

Рисунок 7

ДИНАМИКА УРОВНЯ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 1992—2011 ГОДАХ

Источник: данные Росстата и расчеты по данным РМЭЗ—ВШЭ.

Таблица 3

ДИНАМИКА УРОВНЯ МОНЕТАРНОЙ БЕДНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ В 1994—2010 ГОДАХ						
Год	Все домо- хозяйства	Домохозяйства с детьми до 18 лет	Домохозяйства без детей до 18 лет			
			все	состоящие только из пенсионеров	состоящие только из трудоспособ- ных	смешанного типа
1994	33,8	39,9	12,4	0,4	23,9	18,4
1995	44,5	54,2	18,4	3	31	27,7
1996	41,9	49,2	21,9	10,5	29,6	29,1
1998	47,4	56	22,4	4,6	37,3	33,5
2000	41,3	51,2	18,5	1,7	32,2	30,2
2001	39,3	47,5	18,5	3	28,8	29
2002	35,3	44,1	14,7	1,4	25	23,1
2003	29,7	38,6	11,8	0,5	21,6	18
2004	26,1	36,6	10,8	0,4	20,8	15,9
2005	21,5	30,8	8,6	0,6	16	12,6
2006	19,4	26,7	8,9	0,7	17	12,1
2007	18,2	23,9	9,3	0,9	15,2	13,9
2008	13,2	18,8	5,4	0,4	12,6	6,7
2009	14,7	20,9	7	2,5	13,5	8,2
2010	17,8	21,6	6,3	0,5	13,1	5,6

Источник: расчеты по данным РМЭЗ-ВШЭ.

ниже стоимости прожиточного минимума. По идеологическим соображениям категория «бедность» в Советском Союзе не использовалась, а ее аналогом служило понятие «малообеспеченность», которое впервые стало применяться в начале 1970-х при разработке программы помощи детям в малообеспеченных семьях. Однако, регулируя минимальную оплату труда, государство опиралось на категории «минимального потребительского бюджета». После либерализации цен в 1992 году доходы 70 проц. российских граждан опустились ниже уровня прожиточного минимума советского периода²². Для того чтобы выявить наиболее нуждающихся в социальной поддержке в новых экономических условиях, пришлось изменить границу бедности, и подход к определению прожиточного минимума был пересмотрен: минимальная потребительская корзина 1992 года оказалась в два раза

дешевле аналогичной корзины советского периода.

По пересчитанной минимальной потребительской корзине в 1992 году в число бедных попала треть российского населения (см. рисунок 7 на с. 24). В период экономического роста, согласно официальным данным, наблюдалась устойчивая тенденция снижения доли бедного населения, и за 2000–2007 годы она сократилась более чем в два раза. Данные РМЭЗ-ВШЭ показывают большие масштабы бедности на этапе структурных реформ и более высокие темпы ее снижения в период экономического роста. В 2008–2009-м кризис не повлиял на динамику показателей бедности, однако далее, на этапе стагнации, микроданные фиксировали рост бедности. В любом случае, по результатам всех авторитетных исследований, в 2011 году доля населения с доходами ниже прожи-

точного минимума — а именно этот уровень ассоциируется со стандартом выживания — составляла не более 17 процентов²³. Это означает, что Россия действительно вышла на преобладающую модель потребления, более высокую, чем стандарт выживания.

Определить, какие социально-демографические группы населения отличаются повышенным риском оказаться в категории бедных, можно только на основе микроданных. В данном случае мы обращаемся к обследованию РМЭЗ—ВШЭ, позволяющему проанализировать домохозяйственный профиль бедности. Представленные в таблице 3 результаты (см. с. 25) свидетельствуют о том, что максимальные риски бедности характерны для семей с детьми, а домохозяйства пенсионеров, наоборот, отличаются низким уровнем бедности. В настоящий момент среди домохозяйств, состоящих только из пенсионеров, практически нет бедных.

Отличительная особенность российской бедности проявляется в том, что в структуре бедного населения преобладают работающие люди, а в остальном профиль российской бедности стандартен: доля молодых групп в составе бедных выше, чем в составе населения в целом; наличие высшего образования существенно понижает вероятность оказаться в числе малоимущих; с точки зрения типа поселения максимальные риски бедности у сельских жителей.

Отметим, что даже потребление бедных слоев населения выходит за пределы стандарта выживания. Например, согласно официальным данным Росстата, бедные по доходам домохозяйства серьезно оснащены теми видами имущества, которые дают импульс для развития, в частности, автомобилями, компьютерами и сотовыми телефонами: в расчете на 100 домохозяйств небедные домохозяйства имеют 52 автомобиля и 66

Рисунок 8

Источник: данные Росстата.

персональных компьютеров, а бедные — 32 и 47 соответственно; и бедные, и небедные одинаково оснащены сотовой связью.

Динамика уровня и структуры расходов: в чем особенности новой потребительской модели?

Для того чтобы понять, что происходило в области потребления, обратимся к данным об объеме розничной торговли и предоставлении платных услуг. В статистике розничная торговля учитывается с точки зрения продовольственных и непродовольственных товаров, и доля продовольственных товаров в рассматриваемый период колебалась в пределах 42–48 процентов. Динамика оборота потребительских товаров и услуг, приведенная к сопоставимому виду в ценах 1990 года, представлена на рисунке 8 (с. 26).

В 1992 году все рассматриваемые показатели достигли «дна», затем последовало восстановление, причем оборот услуг восстановился практически в полном объеме, но эта тенденция была прервана кризисом 1998-го. Этап экономического роста, как и в случае с доходами, сопровождался высокими темпами восстановления рынка потребительских товаров и услуг, а объем услуг рос опережающими темпами. В целом за постсоветский период объем платных услуг, предоставляемых населению, вырос в реальном выражении почти в два раза, тогда как объем розничной торговли увеличился в 1,2 раза. Настораживает то, что темпы роста продовольственного товарооборота увеличиваются быстрее, чем объемы розничной торговли непродовольственными товарами. Но тот факт, что это происходит на фоне сокращения объемов потребления из личного подсобного хозяйства (которое в годы структурных реформ стало важным ресурсом выживания для многих российских домохозяйств), свидетельствует о формировании более современной потребительской модели. Можно отме-

тить явное смещение потребления в сторону услуг, что косвенно подтверждает движение от модели выживания к модели устойчивого развития, в рамках которой есть возможности для инвестиций в образование и здоровье, что формирует совсем другое качество человеческого капитала.

Если посмотреть на структуру денежных расходов через призму укрупненных агрегированных видов расходов, то становится очевидно, как изменилось финансовое и потребительское поведение домохозяйств. За последние 20 лет россияне пережили дефолт по советским сбережениям, столкнулись с финансовыми пирамидами в начале 1990-х, вышли на рынок купли-продажи жилья и массово включились в валютные операции. Согласно данным обследования финансового поведения населения, проведенного в 2011 году Независимым институтом социальной политики, более 70 проц. населения имеют опыт получения и обслуживания кредитов или формирования сбережений. Вместе с тем в 2011-м, за исключением расходов на жилье, структура расходов стала аналогичной 1990 году (см. таблицу 4 на с. 28), правда, теперь речь идет об объеме расходов, который в сопоставимых ценах в 1,5 раза выше. Цифры, характеризующие прирост финансовых активов, подразумевают разделение данного вида расходов на увеличение наличных денег на руках, включая иностранную валюту, и накопление сбережений во вкладах и ценных бумагах. Расходы на покупку жилья частично входят в раздел «Обязательные платежи и разнообразные взносы», поскольку именно здесь фиксируются платежи по ипотечным кредитам. В настоящее время около 1 млн домохозяйств (что соответствует 1,8 проц. от общего числа домохозяйств) участвуют в ипотечном кредитовании.

Наиболее значительные изменения наблюдаются в структуре потребительских

расходов населения²⁴ (см. рисунок 9 на с. 29). (Материал Марины Красильниковой о том, что собой представляет современный российский потребитель, см. на с. 35–47 этого номера *Pro et Contra*. – Прим. ред.) Здесь особенно показательна динамика доли расходов на питание: чем она выше, тем ниже материальный достаток, и наоборот. Накануне рыночных реформ доля расходов на питание (по показателю «расходы на покупку продуктов для домашнего питания и питания вне дома») составляла 36,1 проц., а к 1999-му она поднялась до 53,7 процентов. Этап устойчивого экономического роста сопровождался ее снижением до 32 проц., а последние три года она удерживается на уровне 33 процентов. Несмотря на существенное снижение доли расходов на питание за последние десять лет, по структуре потребления домохозяйств Россия все еще далека от развитых стран Европы, где расходы на питание составляют не более 10–15 процентов.

Сокращение доли расходов на питание, как правило, сопровождается ростом расходов на непродовольственные товары и наоборот. Среди расходов на непродовольственные товары наиболее заметно выросли расходы на транспортные средства и топливо, медицинские изделия и предметы личной гигиены. Но самое большое изменение – это снижение доли расходов домашних хозяйств на одежду, обувь, белье и ткани: с 26 до 10 процентов.

Наконец, основная тенденция – это значительный рост доли расходов на оплату услуг (с 14,9 проц. в 1997-м до четверти общего объема расходов в 2006–2011 годах). Данный показатель продолжал расти и в период стагнации: по отношению к дореформенному периоду (1990) расходы на услуги выросли в два раза, по отношению к 1991-му – в три раза.

Расходы на услуги возрастали в основном за счет жилищно-коммунальных платежей, которые в начале 1990-х опустились до символических 0,7 проц., а сегодня составляют почти 10 проц. потребительских расходов домохозяйств. Вторая отличительная черта нашего времени – высокая развитость и распространенность услуг связи, за которые населению также приходится платить. Медицинские услуги, бесплатные на заре постсоветского периода, теперь составляют 1,5 проц. потребительских расходов. Доля расходов на услуги в системе образования формально не изменилась (1,5 проц., как и в 1991 году), однако 20 лет назад они целиком состояли из расходов на услуги только дошкольного образования, а в настоящее время платное обучение присутствует на всех уровнях системы образования. Кроме того, можно отметить возросшую долю расходов на оплату услуг учреждений культуры. Следует указать и на небольшой рост расходов домашних хозяйств на услуги пассажирского транспорта, но если сюда же включить

Таблица 4

СТРУКТУРА ДЕНЕЖНЫХ РАСХОДОВ, %									
Денежные расходы и сбережения, в том числе:	1980	1990	1995	2000	2007	2008	2009	2010	2011
– покупка товаров и услуг	84,3	75,3	70,5	75,5	69,6	74,1	69,8	69,6	73,5
– обязательные платежи и разнобразные взносы	11,9	11,8	5,6	7,8	11,8	12,3	10,5	9,7	10,3
– приобретение недвижимости	0,2	0,3	0,1	1,2	3,9	4,7	2,9	3,4	4,0
– прирост финансовых активов	3,6	12,6	23,8	15,5	14,7	8,9	16,8	17,3	12,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: данные Росстата.

вышеупомянутое увеличение расходов на топливо (до 3 проц.), на ремонт и покупку транспортных средств, то совокупный рост расходов населения на транспорт за последние 20 лет составит более 10 процентов.

Представляется интересным подробнее остановиться на анализе динамики различий в потреблении более обеспеченных слоев населения. Для репрезентативности обратимся к базе данных ОБДХ, а в качестве контрольной группы возьмем 8-ю децильную группу распределения по доходам. Наш выбор обусловлен тем, что в данных ОБДХ покупки товаров длительного пользования и движимого имущества городскими семьями концентрируются в 10-м дециле, а сельскими – в 9-м дециле. Если речь идет о текущих расходах, то наиболее устойчивую картину потребления показывает именно 8-я децильная группа. Более того, именно эта доходная группа по текущему потребительскому пове-

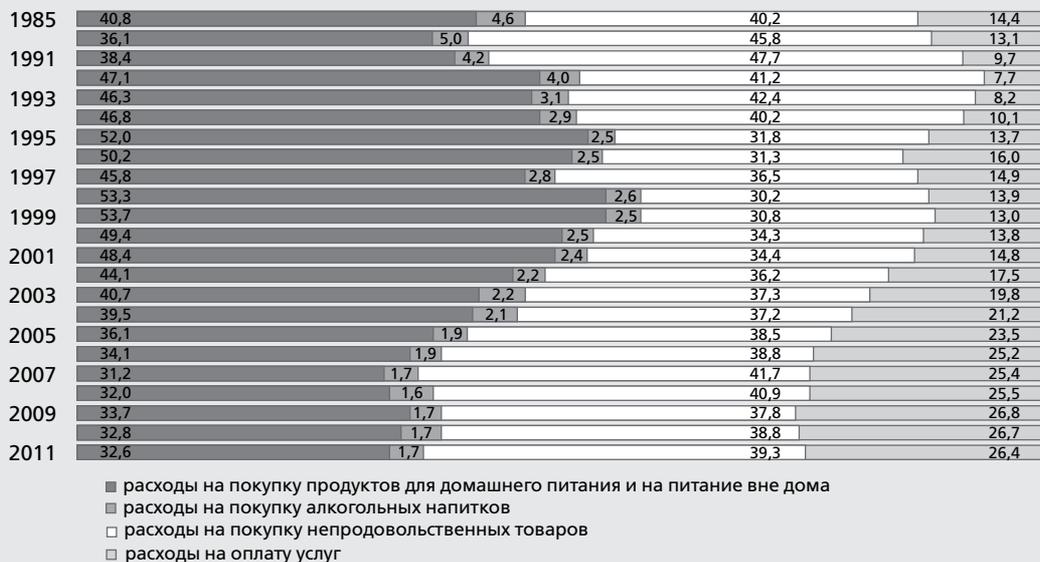
дению может рассматриваться как контрольная группа для оценки потребительского поведения среднего класса ²⁵.

Данные таблицы 5 (см. с. 31) свидетельствуют о том, что в модели потребления 8-го дециля существенно – почти на треть – сократилась доля расходов на питание (при росте расходов на питание вне дома), на одежду и обувь. С другой стороны, примерно в два раза возросли расходы на оплату жилищно-коммунальных услуг. Потребление сместилось в сторону расходов на культуру и отдых, на связь, на покупку и эксплуатацию транспортных средств. Очевидно, данная группа населения миновала период, когда преобладал стандарт жизни бедных, и находится на этапе формирования новой потребительской модели, характерной для среднего класса.

В развитых экономиках основную часть общества составляют представители средне-

Рисунок 9

ДИНАМИКА СТРУКТУРЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В 1990–2011 ГОДАХ, %

Источник: рассчитано по данным Росстата.

го класса, и именно их повседневные потребительские практики оказываются наиболее популярными. Какова ситуация в России? Мы применили подход, который позволяет выделить средний класс по трем основным критериям: материальная обеспеченность, социально-профессиональный статус и самоидентификация²⁶. Согласно данным обследования РидМиЖ, в 2011 году по этим трем критериям к среднему классу относилась примерно пятая часть российского общества. Для данной группы характерна не только материальная обеспеченность, но и

центром России, Москва предоставляет условия для высокого заработка, а инфраструктурное устройство столицы позволяет развиваться всевозможным повседневным практикам. И именно здесь, пожалуй, наиболее ярко проявляется специфика образа жизни отдельных групп населения. Но даже в Москве средний класс не стал самым массовым элементом стратификационной композиции общества и составляет примерно 30 проц., а характеристики его образа жизни и социального самочувствия не позволяют говорить об общепринятом стандарте.

“Даже в Москве **средний класс** не стал самым массовым элементом стратификационной композиции общества и составляет примерно 30 проц.”

высокая профессиональная компетентность (основанная, в частности, на высоком уровне образования). Ее представители добиваются успехов в карьере, а вследствие этого их ресурсная обеспеченность выше, и при этом они осознают, что располагают относительно более высокими возможностями. Но приводит ли синергия трех «о» — обеспеченность, образованность и ответственность — к формированию в России специфических стандартов поведения, которые можно было бы назвать образом жизни среднего класса? И могут ли соответствующие стандарты стать массовыми для россиян? Однозначный ответ на эти вопросы дать нельзя. Тем не менее некоторые различия в повседневных практиках и восприятии реальности, свойственные среднему классу и остальному населению, удается зафиксировать на уровне микроданных социологических опросов населения.

Чтобы подтвердить этот тезис, обратимся к результатам обследования «Москва и москвичи», проведенного в столице в 2012 году²⁷. Будучи финансово-экономическим

Тем не менее представители среднего класса в столице в большей степени, чем остальные, оказываются вовлечены во всевозможные досуговые практики. Это справедливо как с точки зрения их включенности в культурные, развлекательные мероприятия, социальные интеракции, так и в спорт. Например, среди представителей среднего класса вдвое больше тех, кто регулярно посещает театры и концерты (16 против 7 проц. в среднем по населению, и 18 против 8 проц. в среднем по населению, соответственно), и в полтора раза больше тех, кто ходит в кино (32 против 21 проц. в среднем), музеи и на выставки (16 против 10 проц. в среднем). Представители среднего класса более регулярно встречаются с друзьями и гораздо чаще находят возможность сделать это за пределами дома: доля посещающих рестораны и кафе несколько раз в неделю в три раза выше, чем по населению в среднем (10 против 3 процентов).

Московский средний класс в большей степени вовлечен в массовую коммуникацию: как доля тех, кто ежедневно слушает радио,

пользуется интернетом, так и доля тех, кто ежедневно читает прессу и книги, среди представителей среднего класса превосходят аналогичные показатели по остальным респондентам. При этом представители этого слоя общества основным источником новостей для себя считают интернет, тогда как остальные по-прежнему ориентируются на телевидение. Средний класс в Москве отличается большей лояльностью к власти, чем остальное население столицы. Его представители активнее принимают участие в выборах: 66 проц. из них отмечают, что обычно ходят голосовать (среди других жителей столицы таких 58 процентов). При этом удовлетворенность результатами последних президентских выборов выше, чем среди других опрошенных (52 против 45 процентов).

Что касается социального самочувствия московского среднего класса, здесь также просматриваются некоторые расхождения с представителями других слоев общества. В целом, средний класс чувствует себя более защищенным во всех отношениях, чем остальные. Улицы города представляются ему более безопасными, проблемы безработицы, коррупции, преступности заботят меньше, чем остальных. Реже среди представителей среднего класса встречаются и обеспокоенные невозможностью улучшить жилищные условия и получить медицинскую помощь, что косвенно свидетельствует о более высоком качестве жизни у среднего класса, нежели у остальных слоев российского населения. И только две темы из повседневной жизни современного мегаполиса волнуют средний класс больше, чем остальных, — качество дорог и пробки на дорогах²⁸.

Таблица 5

СТРУКТУРА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДОВ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЦИЛЬНОЙ ГРУППЫ ДЛЯ СРЕДНЕГО КЛАССА, 8-Я ДЕЦИЛЬНАЯ ГРУППА, %		
Структура потребительских расходов, 8-я децильная группа	2000 год	2011 год
Потребительские расходы:	100	100
продукты питания и безалкогольные напитки	46,1	28,3
одежда и обувь	17,4	11,5
жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	5,9	11,3
расходы на покупку непродовольственных товаров	35,1	-
здравоохранение, в том числе	-	4,6
медикаменты, медицинское оборудование	-	1,9
амбулаторные услуги и услуги стационаров	0,6	2,7
транспорт, в том числе	-	11,4
покупка транспортных средств	1,3	2,1
эксплуатация транспортных средств	-	6,1
транспортные услуги	2,6	3,1
связь	1,1	3,8
отдых и культурные мероприятия	3,7	7,5
образование	1,3	1,5
гостиницы, кафе и рестораны, в том числе	-	3,4
общественное питание	2,1	3,3
другие товары и услуги	-	8,9

Источник: рассчитано по данным Росстата (ОБДХ).

Эти проблемы считают очень актуальными 56 проц. и 62 проц. представителей среднего класса соответственно (против 45 и 53 проц. среди остального населения).

Приведенное описание, разумеется, носит обобщенный характер. Но надо заметить, что сам средний класс неоднороден, и внутри него можно выделить различные подгруппы, значительно отличающиеся друг от друга. Например, при детальном изучении рейтинга актуальных для представителей этого слоя проблем обнаруживается, что одни обеспокоены сменой условий жизни, экономической и политической обстановкой, другие — личной безопасностью, а третьих и вовсе ничего не волнует.

Заключительные выводы

Подводя итоги анализу, какие изменения произошли в доходах и потреблении населения за двадцать лет постсоветского развития, можно отметить, что объем доходов населения, структура потребления и динамика бедности свидетельствуют о переходе к стандарту потребления более высокого порядка, в рамках которого ресурсов достаточно не только для покупки предметов и услуг первой необходимости, но и для организации досуга, инвестиций в человеческий капитал и покупки товаров, существенно расширяющих возможности для развития.

В наибольшей степени эти тенденции проявляются, когда речь идет о городском населении и еще более ярко, когда оценивается потребление наиболее обеспеченных

жителей крупных городов. Однако говорить о том, что в России сложился новый жизненный стандарт, характерный для городского среднего класса, еще рано. Повседневные практики данной группы хотя и обладают некоторыми отличительными особенностями, не могут быть названы новым стандартом и на данном этапе характеризуют не столько приверженность среднего класса к принципиально иному образу жизни, сколько его большую платежеспособность по сравнению с остальными слоями населения.

Дальнейшее развитие в этом направлении ограничено высоким неравенством в распределении доходов и неэффективностью лифтов восходящей доходной мобильности. Другими словами, проживание в благополучных регионах и типах поселения, доступ к рынку труда и высокий уровень образования вносят существенный вклад в неравенство, но мощности этих социальных лифтов недостаточно для снижения общего неравенства. Если лифты восходящей доходной мобильности работают плохо, необходимо запустить другие, более эффективные перераспределительные механизмы — повысить налоги и расширить платность в социальной сфере для обеспеченных слоев населения.

Таким образом, в российском секторе домашних хозяйств сложились экономические предпосылки для дальнейшего развития по модели постиндустриального общества, но институциональное развитие и существенное неравенство пока создают серьезные барьеры для этого. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См.: *Инглхарт Р., Вельцель К.*

Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

² <http://www.hse.ru/r/ms/>

³ <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>

⁴ Обследование реализуется ГАНУ «Институт гуманитарного развития мегаполиса», на данный момент проведены два раунда обследования (подробно см.: www.igtm.info).

⁵ *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: Адаптация без реструктуризации. М.: ГУ–ВШЭ, 2001; *Капелюшников Р.И.* Конец российской модели рынка труда? // *Polit.ru* (<http://www.polit.ru/lectures/2009/04/23/kapeljushnikov.html>).

⁶ *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации; *Суворов А.В.* Доходы и потребление населения: Макроэкономический анализ и прогнозирование. М.: МАКС Пресс, 2001; *Шевяков А.Ю., Кирута А.А.* Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России и ее регионов в процессе реформ: Методы измерения и анализ причинных зависимостей. М.: РПЭИ, 2001.

⁷ *Berger R. et al.* The Inequality Puzzle: European and US Leaders Discuss Rising Income Inequality. Springer Press, 2010; *Firebaugh G.* The New Geography of Global Income Inequality. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003; *Firebaugh G., Goessling B.* Accounting for the Recent Decline in Global Income Inequality // *American Journal of Sociology*. 2004. Vol. 110. No. 2 (Sept.). P. 283–312.

⁸ *Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD Countries.* OECD Publishing, 2008.

⁹ *Суворов А.В.* Указ. соч.

¹⁰ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2002 г. М.: ИнтерДиалект, 2003.

¹¹ *Шевяков А.Ю., Кирута А.А.* Указ. соч.; *Шевяков А.Ю., Кирута А.А.* Измерение экономического неравенства. М.: Лето, 2002.

¹² Дифференциация экономического благосостояния и возможные пути ее снижения (итоговый доклад) // Программа фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Россия в глобализирующемся мире». М.: ИСЭПН, 2003.

¹³ *Великанова Т., Колмаков И., Фролова Е.*

Совершенствование методики и моделей распределения населения по среднедушевому доходу // Вопросы статистики. 1996. № 5.

¹⁴ Последние включают все виды денежных расходов за месяц, предшествующий интервью, в том числе расходы на питание (и вне дома тоже), расходы на непродовольственные товары и услуги, трансферты другим домохозяйствам или организациям (займы, финансовая помощь, сбережения). Наконец, показатель душевых расходов был скорректирован с учетом различий в стоимости жизни в разных регионах страны: для этого душевые расходы умножались на коэффициент, равный соотношению стоимости общероссийского и регионального прожиточного минимума в соответствующем году. Показатели за 1997 и 1999 годы отсутствуют, так как в эти годы обследование РМЭЗ не проводилось.

¹⁵ Превышение расходов над доходами, особенно в 1990-х, было зафиксировано в работе, выполненной на данных обследования РМЭЗ 1994–2005 годов. См.: *Gordnichenko Y., Sabirianova Peter K., Stolyarov D.* Inequality and Volatility Moderation in Russia: Evidence From Micro-Level Panel Data on Consumption and Income // *Review of Economic Dynamics*. 2010. Vol. 13. Iss. 1. P. 209–237.

¹⁶ Традиционный подход имеет серьезные ограничения, учитывая, что идентификация главы домохозяйства основана на субъективных критериях. Как правило, статус главы автоматически приписывается мужчине, или самому старшему члену домохозяйства, или индивиду с самым высоким доходом. Менее спорный подход заключается в случайном отборе индивида внутри домохозяйства. Последнее вносит некоторый элемент риска, например, мы можем ошибочно отобрать мужчину в качестве представителя домохозяйства, состоящего из трех женщин и одного мужчины. Тем не менее в больших выборках эта ошибка будет незначительной, тогда как в небольших выборках метод, основанный на доминировании признака, предпочтителен.

¹⁷ Категория «незанятый» включает безработных и экономически неактивных.

¹⁸ Выборка РМЭЗ нерепрезентативна в региональном разрезе, поэтому она не может быть использована для оценки неравенства внутри отдельных регионов, однако это не является препятствием при оценке межгрупповой компоненты неравенства.

¹⁹ *Shorrocks A.* Inequality Decomposition by Population Subgroups // *Econometrica*. 1984. Vol. 52. Iss. 6. P. 1369–1386; *Theil H.* Economics and Information Theory. Chicago: Rand McNally and Company, 1967; *Shorrocks A.* The Class of Additively

Decomposable Inequality Measures // *Econometrica*. 1980. Vol. 48. Iss. 3. P. 613–625.

²⁰ Förster M. F. Trends and Driving Factors in Income Distribution in the OECD Area // OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers. 2000. No. 42; Mitra P., Yemtsov R. Increasing Inequality in Transition Economies: Is There More to Come? // World Bank Policy Research Working Paper No. 4007. Wash. D. C., 2006; Equity and Development: World Development Report 2006. Oxford: World Bank; Oxford Univ. Press, 2006.

²¹ Annual Monitoring Report of Social Situation Observatory. Brussels, 2009.

²² Ovcharova L., Popova D. What Kind of Poverty Alleviation Policy Does Russia Need? // *Russian Economic Trends*. 2001. Vol. 10. Iss. 1. P. 7–14.

²³ Дмитриев М.Э., Мисихина С.Г. Прошай, нищета! // *Вестник Европы*. 2012. № 34–35; Ясин Е.Г. и др. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах. М.: ГУ–ВШЭ, 2011.

²⁴ Потребительские расходы являются частью денежных расходов, направленных на приобретение потребительских товаров и услуг. Учет производится по полной стоимости товаров и услуг, независимо от того, полностью или частично они были оплачены на момент приобретения и для каких целей они предназначались (для личного потребления или передачи на сторону). В составе потребительских расходов не учитываются расходы на покупку произведений искусства, антиквариата и ювелирных изделий, приобретенных в качестве капиталовложений, оплата материалов и работ по строительству и капитальному ремонту жилых или подсобных помещений.

²⁵ При выборе методологии анализа, нам пришлось идти на компромиссы, обусловленные

изменениями в агрегировании потребительских расходов, которые возникают в связи с переходом Росстата на новые методологические принципы: с одной стороны, хотелось сохранить более длинный период для ретроспективного анализа, с другой – нужно было добиться сопоставимости данных. В условиях подобных ограничений было принято решение перейти к анализу структуры потребительских расходов за период с 2000-го по 2011 год, для которого характерны максимальные изменения в потребительском поведении.

²⁶ Аврамова Е.М. и др. Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малевой. М.: Гендальф, 2003.

²⁷ Обследование реализуется ГАНУ «Институт гуманитарного развития мегаполиса», на данный момент проведены два раунда обследования (подробнее см.: <http://www.igrm.info/>).

²⁸ В список проблем, значимость которых оценивалась в ходе обследования, вошли следующие: безработица, взятки, коррупция, митинги, народные волнения, изменение курсов валют, инфляция, рост цен, экологическая обстановка, чистота и ухоженность города, приток мигрантов из других городов России, стран СНГ и бывшего СССР, возможность эмиграции, личная безопасность, наркомания и алкоголизм, свобода слова, бездомные животные, преступность и терроризм, улучшение жилищных условий, качество дорог, пробки на дорогах, капитальный ремонт и расселение ветхого жилья, вопросы организации или ликвидации ТСЖ, возможность получить образование, возможность получить медицинские услуги.